

Тургенев

Источник: Ю. В. Лебедев. Тургенев. М: Молодая гвардия, 1990. (Жизнь замечательных людей).
Оригинал здесь: [ЖЗЛ](#).

"Настали темные, тяжелые дни...

Свои болезни, недуги людей милых, холод и мрак старости... Все, что ты любил, чему отдавался безвозвратно, - никнет и разрушается. Под гору пошла дорога.

Что же делать? Скорбеть? Горевать? Ни себе, ни другим ты этим не поможешь.

На засыхающем покоробленном дереве лист мельче и реже - но зелень его та же.

Сожмись и ты, уйди в себя, в свои воспоминанья, - и там, глубоко-глубоко, на самом дне сосредоточенной души, твоя прежняя, тебе одному доступная жизнь блеснет перед тобою своей пахучей, все еще свежей зеленью и лаской и силой весны!" - так писал И. С. Тургенев в июле 1878 года в стихотворении в прозе "Старик".

Прошло несколько лет, и в марте 1882 года он почувствовал первые признаки нешуточной, роковой болезни.

Зиму Тургенев провел в Париже. А предыдущим летом жил в Спасском вместе с семьей своего друга, русского поэта Я. П. Полонского. Теперь Спасское ему являлось "каким-то приятным сном". Он мечтал о поездке в Россию летом 1882 года, но эта мечта оказалась неосуществимой...

В конце мая его "частью перенесли, частью перевезли" в Буживаль на дачу Полины Виардо. Здесь в усадьбе "Ясени", "на краюшке чужого гнезда", рядом с домом семьи Виардо, вдали от родины и соотечественников догорала жизнь русского писателя...

Он еще не думал, что подступившая болезнь грозит смертью, он еще верил, что жить с нею может много лет. "Надо лежать и ждать недели, месяцы и даже годы", - успокоил знаменитый доктор Шарко, признавший у пациента грудную жабу. Что ж? Остается примириться с безысходностью положения: живут же устрицы, прилепившись к скале...

Но как горько быть осужденным на неподвижность, когда кругом все зелено, все цветет, когда в голове столько планов литературных, когда тянет в родное Спасское, а об этом нельзя и подумать...

"О мой сад, о заросшие дорожки возле мелкого пруда! о песчаное местечко под дряхлой плотиной, где я ловил пескарей и гольцов! и вы, высокие березы, с длинными висячими ветками, из-за которых с проселочной дороги, бывало, неслась унылая песенка мужика, непрерывно прерываемая толчками телеги, - я посылаю вам мое последнее прощанье!.. Расставаясь с жизнью, я к вам одним простираю мои руки. Я бы хотел еще раз надышаться горькой свежестью полыни, сладким запахом сжатой гречихи на полях моей родины; я бы хотел еще раз услышать издали скромное туканье надтреснутого колокола в приходской нашей церкви; еще раз полежать в прохладной тени под дубовым кустом на скате знакомого оврага; еще раз проводить глазами подвижный след ветра, темной струей бегущего по золотистой траве нашего луга..."

Сбывались давние его предчувствия. 30 мая 1882 года Тургенев писал отъезжавшему в гостеприимное Спасское Полонскому: "Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу, родине поклонитесь, которую я уже вероятно никогда не увижу".

Однако в июле наступило облегчение: Тургенев получил возможность стоять и ходить в течение десяти минут, спокойно спать по ночам, спускаться в сад. Появилась надежда уехать зимой в Петербург, а лето провести в Спасском. И даже "литературная жилка" в нем "зашевелилась", а вместе с нею пришли и встали воспоминания... Не только "пахучей, свежей зеленью" веяло от них. Воскресала в памяти жизнь живая и сложная, а в ней, как в капле воды, отражались суровые исторические судьбы России - далекой, милой и горькой Родины. Как случилось, что признанный миром певец женской любви умирает на чужбине, в одиночестве, так и не свив для себя теплого семейного гнезда? Почему жизнь оторвала его от родных берегов, подмыв вековые корни, и, как река в половодье, унесла в неведомую даль и прибила к чужому берегу, к чужой стране и чужой семье? Кто виноват в этом, он сам или исторические обстоятельства? Вероятно, и то и другое. Тургенев верил в судьбу, но по-своему, без фатализма. "У